

— Какое место в вашей жизни, Игорь Александрович, занимал и занимает спорт?

— Завзятым спортсменом я никогда не был. Однако был и остаюсь к спорту неравнодушен. Не только как зритель — в молодости я увлекался плаванием, а по шахматам даже имел первый разряд. Впрочем, и сейчас стараюсь не упустить возможности — в Москве и на гастролях — поплавать в бассейне, люблю сыграть легкую партию в шахматы, слежу за ходом крупных шахматных турниров.

Но, конечно, не только этот скромный личный опыт определяет мой интерес к миру и людям спорта. Проявился этот интерес давно. Еще в конце тридцатых годов, работая в Большом театре, я принимал активное участие в подготовке физкультурных парадов на Красной площади. Ударной силой на этих парадах были тогда студенты спортивных вузов и техникумов. Чтобы поставить парад, как настоящий спортивный праздник, пришлось, что называется, вникнуть в специфику разных видов спорта, близко узнать спортсменов... С удовольствием вспоминаю эту свою «спортивную деятельность». Последний раз мне довелось выступать в качестве постановщика спортивного парада почти 30 лет назад — в 1947 году. Было это на московском стадионе «Динамо»...

— Каждое выступление вашего ансамбля восхищает не только совершенством художественным мастерством исполнителей, но и отменной их физической подготовкой...

— Да, в ансамбле выступа-

ЭТА БЕСЕДА состоялась во время репетиции Государственного академического ансамбля народного танца СССР в одесском Дворце спорта. Отвечая на вопросы, Моисеев время от времени прерывал, извинившись, разговор, подходил к рампе и давал короткие указания танцорам. У него всегда времени в обрез, у Игоря Александровича Моисеева, Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, народного артиста СССР, художественного руководителя знаменитого танцевального ансамбля...

ОГНИ РАМПЫ И ВЗГЛЯД С ТРИБУНЫ

ют у нас люди, физически закаленные. Иначе им и не выдержать высокого темпа танцев, не справиться со многими сложными их фрагментами.

В нашей школе-студии, откуда черпает ансамбль пополнение, спорту отводится заметная роль. Студийцы занимаются спортивной и художественной гимнастикой, много внимания уделяют акробатике.

Многие артисты ансамбля с удовольствием, я знаю, плавают в бассейне, ходят на лыжах, играют в волейбол. Мужчины наши одно время увлекались дзю-до... И нормы ГТО в нашем коллективе большинству танцоров оказались вполне по плечу.

— Какие виды спорта, Игорь Александрович, привлекают вас как зрителя?

— В первую очередь художественная гимнастика и спортивные танцы на льду. Прогресс их невероятен. Вспоминаю, как раньше даже у сильнейших гимнасток владение спортивной техникой сочеталось с элементарной художественной безграмотностью. Сейчас же хореографическая подготовка

гимнасток — и не только ведущих — выросла неизмеримо.

Я, во всяком случае, получаю огромное удовольствие от выступлений таких гимнасток, как Ирина Дерюгина или Галима Шугурова. Кое в чем им могут позавидовать иные солистки балета. Ведь амплуа мастерства замечательных наших гимнасток весьма широк — без собственного балету акцента на одни только ноги. Высокая художественная подготовка гимнасток позволяет им добиться яркой выразительности всей гаммы движений. Это относится и к лучшим нашим представительницам гимнастики спортивной — Людмиле Турищевой, Ольге Корбут, Эльвире Саади.

Они выделяются своим художественным чутьем, своим умением воплотить цельный художественный замысел.

— Некоторые специалисты считают, что спорту, так сказать, противопоказано создание художественного образа...

— Не вижу я таких «противопоказаний». Да и нужны ли вообще аргументы, когда весь мир свидетель, ска-

жем, танцев Людмилы Пахомовой и Александра Горшкова?!

Любое их выступление — маленький спектакль, где актеры точно выстраивают сквозное действие, находят яркие краски для раскрытия музыки специфически танцевальными средствами. Для

каждой мелодической темы они выбирают верный пластический эквивалент, они хотят дать впечатление о чувствах и мыслях, заложенных в музыку, которая их ведет и ими управляет.

Да, именно от музыки нужно идти в фигурном катании. Она ведь не механический, а художественный фактор, она не только задает ритм, она должна определять пластику, характеристическую окрашенность движений. Но слишком часто еще фигуристы видят в музыке только ритмический, тактовый аккомпанемент. Потому, наверное, такой невероятный музыкальный коктейль иной раз представляет собой программа фигуриста, что, как говорится, уши вянут... Совершенно не сочетаемые, неузнаваемо обжоранные музыкальные пьесы бездумно следуют одна за другой... Где уж тут, действительно, создавать художественный образ!

Мне трудно судить о нюансах техники катания Пахомовой и Горшкова, но я аплодирую их художественной выразительности, их способности раскрыть характер му-

зыки, создать танец! Хотя сейчас готов их поставить, скажем, в испанский танец нашего ансамбля.

Привлекает меня и мастерство Толлера Крэнстона и Джона Карри. Безупречный музыкальный вкус, хорошая хореографическая подготовка выделяют этих фигуристов из массы спортсменов,

техника которых довлеет над выразительностью исполнения. Но ведь техника в спорте — как и в искусстве! — не цель, а средство. И может быть, стоило бы в фигурном катании отказаться от разделения оценок за технику и артистизм. Нет ведь такого разделения, скажем, в художественной гимнастике. К подлинному синтезу технического мастерства и пластической выразительности идут и придут фигурное катание, художественная и спортивная гимнастика.

Понятно, наверное, почему я все время обращаюсь именно к этим видам спорта — многое их роднит с хореографическим искусством, которому посвятил я свою жизнь.

И я не вижу противоречия между воплощением на льду или на гимнастическом ковре того или иного художественного образа и стремлением к победе, без чего, конечно, немислим спорт. Да, спортивное соперничество шлифует волю, закаляет характер, выявляет стороны личности. Но разве все эти качества — помеха созданию художественного образа?

А балетный, скажем, конкурс — это разве не череда поединков? Не экзамен умения, помноженному на волю и характер?! И победители тут есть, и побежденные... А лаврами увенчивают исполнителей, чье мастерство органически сочетается, синтезирует все компоненты: музыкальность, специальную технику, пластическую выразительность.

— Однако во многих видах спорта эстетический элемент не имеет самостоятельной ценности — в глазах судей, во всяком случае...

— Да, в спорте чаще всего решает количество — килограммов, уколов, метров. Но спорт — зрелище, а не только простое выяснение, кто первый, кто последний. У всякого же зрелища есть свои внутренние законы, свои требования, свои оценки.

И при равных, так сказать, количественных показателях зритель всегда отдаст свое сердце тому атлету, который более выразителен, тому спортсмену, чье мастерство гармоничнее. А это уже категории эстетические.

Спортивное единоборство или соперничество двух команд — не столкновение гладиаторов, и отнюдь не только конечный результат имеет значение, ибо цель не оправдывает любых средств. Наши симпатии всегда принадлежат спортсмену и команде, побеждающим красиво, честно, достойно.

Конечно, спортивный зритель всегда отдает должное мужеству атлета. Но испытывать свою волю не обязательно на публике. Она не скрежета зубного жаждет, не тяжелого поединка спортсмена со своим бунтующим от непосильной работы организмом. Зритель хочет видеть светлую сторону спорта — окрыленность человека, радостное раскрепощение его колоссальных возможностей, красоту его тренированного тела. Зритель и от спорта хочет получить художественное наслаждение...

Убежден, что спорт будущего очень много возьмет от искусства, как уже сейчас он берет от науки.

Беседу вел
А. БАШКАТОВ.
(Наш корр.).

ОДЕССА.